

Антонио Бандерас и его супруга Мелани Гриффит. На каннском фестивале они обнимались, позируя фотографам.

Фото АП.

Антонио БАНДЕРАС:

Скоро у меня выпадут волосы и отрастет живот...

Любимец российских женщин

дал эксклюзивное интервью «КП» на Каннском фестивале

довало, - постоянный персонаж его фильмов. Так же, как и люди, за которыми подглядывают. Скажем, в «Подставном теле» объектом такого подглядывания является моя законная супруга Мелани Гриффит.

- Мелани как-то повлияла на ваше решение сыграть эту роль?

- Да. Когда я впервые прочел сценарий, я не нашел в нем для себя почти ничего интересного. Но Мелани настояла, чтобы я встретился с Брайаном. Они хорошие друзья и постоянно тусуются вместе. Я спросил у Брайана, могу ли я поработать над персонажем, придумать что-то. Он сказал: валий. Я придумал массу всего, показал ему это в Париже. Он меня долго хвалил, а потом сказал, что ничего из этого в фильм не войдет: «Потому что тогда это будет твой фильм, а не мой!» Но я очень рад, что оказался в этой картине. Брайан создает на площадке свой мир, при этом ему наплевать на условности. А как он просил, чтобы в одном из эпизодов мой герой предстал гомосексуалистом! Я очень испугался: сто лет уже не играл геев. Разве что у Альмодовара. У них вообще много общего: они идут своей тропой и ни на кого не обращают внимания.

Бандерас вернется к Альмодовару!

- По какому принципу вы вообще отбираете роли, ?

- Меня интересует только имя режиссера, все остальное не важно. Я всегда уважал постановщиков, но после того, как снял свой режиссерский дебют «Сумасшедшие в Алабаме», стал относиться к ним с еще большим почтением.

- Будете еще сами ставить фильмы?

- Всенепременно. Но теперь уже только в Испании и на испанском языке.

Я восторженно встречаю это известие. По мне, все, что сделал Бандерас в Голливуде - за исключением разве только «Эвита» и новеллы в «Четырех комнатах», - на голову ниже его испанских киноработ.

- Я двенадцать лет живу в Америке, но у меня по-прежнему есть моя родина, мои корни, - взволнованно говорит Антонио, иногда переходя на испанский язык. - Я не собираюсь от всего этого отказываться! Самые дорогие для меня роли сыграны в картинах Альмодовара... Педро - один из главных людей моей жизни. Без него не было бы ничего - ни Америки, ни Каннского фестиваля... Думаю, вас порадует эта новость, - продолжает Антонио. - Сегодня вечером я встречаюсь здесь с Педро. Мы будем обсуждать возможность новой работы.

Сделай себе женщину сам

- Что это будет за фильм?

- Это экранизация французского романа «Гарангула». Потрясающая история! Мой герой живет спокойно до тех пор, пока банда ублюдков не изнасиловала его дочь. И тогда он находит одного из насильников - им оказывается 18-летний парень, похищает его и запирает в подвале. Насильственным хирургическим путем он превращает его в женщину и... влюбляется!

- Чумовая история. Похожа на «Франкенштейна»...

- Только в стиле Педро Альмодовара! Жду не дожусь, когда мы начнем снимать этот фильм!

Проблема Мелани Гриффит

- Вы снимались с огромным количеством актрис. Кто из них произвел на вас самое глубокое впечатление?

- Малонна. То, как она вкалывает над ролью. Я сразу понял, что «Эвита» у нас получится. Она знала об Эве Перон больше, чем кто-нибудь еще на площадке. Ну и, конечно, моя жена. Мелани

считается, что я еще молод. Но для самого себя я давно уже ветеран. Начал с картин Альмодовара, пришел к голливудским картинам типа «Маски Зорро». Думаю, я - всеядный актер, меня кидают из стороны в сторону.

- А у вас были моменты, когда вы просыпались в страхе остаться без работы?

- Каждое утро я просыпаюсь в таком состоянии. В нашей профессии многое зависит от твоей последней картины. Когда я жил в Испании, мне и в голову не приходило интересоваться кассовыми сборами моих фильмов! В Америке все свихнулось на цифрах бокс-офиса. Когда мой первый американский фильм собрал меньше, чем было задумано, я сказал себе: «Ну все, Антонио, вот ты и приплыл!» Мне много раз казалось, что моя актерская карьера закончилась, и столько же раз она как-то восстанавливалась из пепла. Сейчас вот ударился в театр. Репетирую новую пьесу. Она хороша тем, что в ней будут 18 женщин и один я.

- Не устали быть всемирным секс-символом?

- А разве я им был?!

- В России вы и сейчас секс-символ! Да и американки говорили мне, что вы - воплощение идеального «латинского любовника».

Антонио смеется и хлопает меня по плечу.

- Если бы я всерьез относился к этому, то был бы полным идиотом! К тому же я не любовник. Я муж и семьянин. Вот как я отношусь к жизни. Никогда не был Казановой. Как бы я успел сыграть в стольких фильмах, если бы прыгал из постели в постель? К тому же я старею. Скоро у меня начнут вываливаться волосы и отрастет живот.

Он хлопает себя по вполне плоскому еще животу и проводит рукой по вполне густым еще, волнистым, обильно покрытым «мокрым гелем» волосам. Я говорю ему, что и в этом случае русские женщины будут его боготворить. Потому что чувствуется, что он - человек хороший.

- Возвращаться в Испанию не собираетесь?

- Нет. В Америке у меня дом, жена, дети. Они у Мелани от разных отцов, и нуждаются в заботе и ласке. Основная моя работа - сейчас все же в Америке, и мы не можем подолгу расставаться. Всегда что-то приходится приносить в жертву. Я приношу в жертву себя.

Стас ТЫРКИН,
наш человек в Канне.

Боюсь, что многих своих поклонниц в России Бандерас при личной встрече бы разочаровал. Невысок, уже порядком морщинист, слегка лопух... Но стоит Антонио заговорить о чем-нибудь, ему интересно, он преображается. Глаз блестит, темперамент играет, загляденье, да и только!

- Я терпеть не могу фестивали! - с налету говорит он. - Может быть, потому, что в юности, когда нас как студентов Испанского института кинематографии возили на фестивали, мне доставались в гостиницах самые маленькие номера. Я был очень зажат, стеснялся выйти в свет. Сейчас все по-другому, у меня хороший номер в отеле «Карлтон», но предубеждение осталось. Конечно, я понимаю, что фестиваль - это бизнес, и главные события происходят не на красном ковре, а в гостиничных номерах, где заключаются сделки. Я не критикую фестивали, но соревновательность чужда искусству. Восприятие его - вещь субъективная. Вы любите пазлы, а кто-то ее терпеть не любит, но обожает пасту, и что с того? Это ведь не значит, что пазлы - плохая еда.

По «роковым женщинам» я крупный специалист!

Бандерас прилетел на Каннский фестиваль, чтобы представить вне конкурса детективную комедию Брайана де Пальмы «Femme Fatale» («Роковая жен-

щина»), где у него главная мужская роль.

- Что это за зверь такой - «роковая женщина»?

- До фильма де Пальмы я снялся в «Первородном грехе», где такую особу играла Анжелика Джоли. Так что по «роковым женщинам» я большой специалист. Мне кажется, что это очень закомплексованные люди: во многих случаях с этими женщинами плохо обращались в детстве, от этого у них сильная жажда возмездия. Только отомстив, пусть даже и ни в чем не повинному мужчине, они чувствуют облегчение. На это и жизнь кладут. В общем, на мой взгляд, их пожалеть нужно. Жертвы они, а не героини.

- А в реальной жизни вам встречались такие экземпляры?

- (Смущен, но быстро находитесь.) Нет! Как видите, я еще жив! (Долго радуется шутке.)

Давненько я не играл геев

- Но вам и самому не чужды мстительные мотивы. Сыграв папарацци, вы решили так отомстить фоторепортерам, гонящихся за вами и Мелани?

- Я не думаю, что герой картины - обычный папарацци. Я всячески пытался оправдать своего героя. В одной из сцен симпривизировал текст, дескать, не папарацци я, а настоящий художник. На самом деле я играл самого де Пальму. Этот выдающийся режиссер - вообще, между нами, тот еще вуйерист. Только подглядывает он через камеру. Поэтому человек, пытающийся проникнуть туда, куда ему бы не сле-